



«Мы ищем все следы». Следователь-криминалист тульского СК о победах, современных технологиях и сочувствии



«Мы ищем все следы». Следователь-криминалист тульского СК о победах, современных технологиях и сочувствии

Наше представление о современной криминалистике — гремучая смесь отрывков из полицейских сериалов и обрывков новостей о поимке преступников, и, само собой, оно в корне несостоятельно. За сценарными глупостями и общими фразами с названиями уголовных статей скрывается целый мир, держащийся на вполне реальных людях.

Следователь-криминалист регионального управления СК Эдуард Фомочкин, полковник юстиции, вопреки ожиданиям, не мрачный серьезный тип, возящийся с отпечатками пальцев в



какой-нибудь подвальной каморке: это веселый и открытый человек, который, кажется, часами может рассказывать о поисках улик, правилах их сбора улик и вспоминать курьезные случаи.

В областном СК трудятся восемь следователей-криминалистов — каждый отвечает за определенную территорию, а их обязанности куда шире, чем сбор и исследование улик. Это и криминалистическое сопровождение следствия, и выполнение отдельных функций контроля, и дополнительная подготовка сотрудников, и розыск без вести пропавших. У каждого следователя-криминалиста есть свои «зоны», в которых они ведут мониторинг происшествий. Это в общем, а в частности: сопровождение судебных экспертиз, формирование баз данных, проведение стажировки для новичков молодых следователей и даже разработка методичек. Полковник Фомочкин, в частности, плотно работает по направлению визуализации следственных действий.

Еще, как оказалось, к задачам, стоящим перед следователем, относится и предупреждение преступлений — на первый взгляд звучит странно, но обо всем поподробнее.

Что такое безопасность?

— Как можно предупредить и предотвратить преступление?

— В соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства на следователя возложена обязанность по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Объясню на самом простом примере: если оно было не спонтанным, а подготовленным, значит, злоумышленник приискивал место, время и способ совершения преступления. Как думаете где он его прищет? В темном переулке или на хорошо освещенном проспекте? В этот темный переулок мы поставим камеру. Если она окажется надлежащего качества и будет подключена к системе «безопасный город», мы сможем посмотреть, что происходило в этом переулке, сможем отследить путь преступника.

— А когда человек находится в полной безопасности?

— Если смотреть на ситуацию пессимистично — никогда.

— А что можно сделать, чтобы максимально себя обезопасить?

— Есть правила, даже школьный курс ОБЖ направлен на это. Прежде чем оказаться в какой-то ситуации, нужно рассчитать, как из нее выйти. И это связано не только с проходом через темный переулок: мы пытаемся рассказать о способствующих обстоятельствах. К примеру, в полночь совершено преступление в отношении несовершеннолетнего. Задаем вопрос — а что ребенок делал ночью в парке. В таких случаях проводится сбор характеризующего материала на ребенка, на его семью, проводится работа с органами опеки и попечительства, комиссией по делам несовершеннолетних.



Найти, зафиксировать изъять

В следственном управлении в Туле хранится все криминалистическое оборудование. Тут все действительно почти так, как в сериалах: от самых простых пинцетов и упаковочного материала до высокотехнологичных приборов, таких как UFED Touch.

— Мы ищем все следы. Наша цель — найти, зафиксировать, изъять. В процессе работы, с опытом, конечно, сразу даешь оценку относимости найденного к тому, что произошло. Но обычно бывает так: выявил отпечатки пальцев, изъял и отнес к себе, установил, что произошло, и смотришь — относится ли то, что нашел к случившемуся. Потому что место происшествия восстановить спустя время нельзя.

Работая на месте происшествия, мы ищем и оцениваем всю следовую информацию. Абсолютное большинство обнаруженных следов и предметов подлежит изъятию, потому что восстановить картину происшествия по прошествии времени практически не возможно. После завершения осмотра места происшествия следователь назначает экспертные исследования по изъятым объектам.

В распоряжении криминалистической службы следственного управления большое количество технических устройств, которые используются при раскрытии и расследовании преступлений. Так, у нас есть цианоакрилатовая камера, в которой при влажности 80% парами цианида окуривается предмет, изъятый с места происшествия, например, стакан со следами пальцев рук. При нахождении в данной камере невидимые следы становятся видимыми, при этом сохраняются генетический материал, что очень важно, ведь порой только папиллярного узора может не хватить.

Есть в распоряжении криминалистического отдела специальный программный комплекс UFED Touch, предназначенный для считывания информации: с мобильных устройств, автомобильных регистраторов и иных устройств, имеющих «память». Извлекается все — от истории посещения сайтов в интернете до удаленных файлов.

Также в нашем распоряжении есть комплект поисковых магнитов, которые оказывают серьезную помощь в поиске мелких частиц, пуль, гильз. В моей следственной практике был случай, когда магнитные грабли очень помогли в установлении фактических обстоятельств происшествия.

— А как с помощью магнитов можно раскрыть дело?

— Около трех лет назад в Пролетарском районе Тулы погиб человек. Прибыв на место происшествия, я сразу понял, что произошел взрыв. Магнитов на тот момент с собой не было, поэтому я начал вручную самостоятельно искать фрагменты предмета, который взорвался. Собрав несколько фрагментов, я понял, что это граната, но на этом и все. А нужно понять,



откуда эту гранату взяли, отследить ее путь, потому что они не продаются так запросто в магазине. Спустя время мне привезли магниты и вот этими «грабельками» я собрал все. На найденных фрагментах был и номер партии, и год изготовления. Таким образом, удалось установить ее происхождение.

Также есть квадрокоптеры, есть прибор, который выявляет скрытые камеры, есть источник криминалистического света, в лучах которого, в зависимости от длины волны можно увидеть биологические следы, отпечатки пальцев или след ноги.

— Что важнее — человек или техника?

— Техника — не более, чем средство улучшения наших органов. Я могу по памяти нарисовать, как выглядело место преступления, но зачем — есть фотоаппарат. Или зачем запоминать, что именно сказал человек, когда с собой есть ноутбук, и я могу все записать. Если подумать, я и отпечатки пальцев могу сличить, но зачем — есть специальная камера. На любой технике работает человек, только он принимает решение. Поэтому ответ однозначный — человек. Нужно знать, как и когда применить технику. Ведь наша задача — принять справедливое решение по делу, на эту цель все и работает.

Пошутили — и к допросу

Говоря о допросах, следователь отмечает — с кино нет ничего общего.

— Никаких методов, которые показывают на экране мы не применяем: это всегда только беседа. Сложность этого следственного действия заключается в том, что все люди разные. Кто-то идет на контакт, кто-то нет, к каждому нужно найти подход, который позволит установить истину по делу.

— Были случаи, когда подозреваемый вызывал жалость?

— Вообще, слово «жалость» странное, не совсем применимое к нашей работе. Мне не жалко преступника, мне жалко гражданина моей страны. Я же понимаю, что он не родился таким: где-то он повернул не туда, где-то его обидели, где-то его сознание искривили настолько, что он думает — если оскорбляют словом, то нужно ответить ножом. Мы же с ними очень много общаемся, и с подозреваемыми, и с потерпевшими.

— Оставляет ли такая работа отпечаток на повседневной жизни?

— Термин профессиональная деформация никто не отменял: мир перестает играть только радужными красками, это я говорю за себя. Вся история вашего города связана с позитивными воспоминаниями — свидания, встречи, первый поцелуй. Я тоже помню все эти места, но на эти воспоминания наслоились и другие, менее приятные.



— Где в Туле самые криминальные места?

— Таких нет, но есть криминальная манера поведения. Человек должен понимать, если он употребляет спиртные напитки с бесконечными количеством посторонних, это может привести к определенным последствиям.

— Существует профессиональная деформация, а есть ли особый профессиональный юмор, как, например, у врачей?

— Такого нет, но у каждого свой стиль. Кто-то всегда строгий, кто-то будто страдает, кто-то невероятно серьезен. Меня обвиняют в том, что я много улыбаюсь. Но на работе — всегда серьезный, конечно.

— Есть ли какая-то особенно запомнившаяся победа?

— Безусловная победа — расследование, связанное с АПК UFED Touch, креативом и неравнодушием. Несколько лет назад рядом с обнаруженным телом был найден телефон, который почти наверняка принадлежал погибшему. Я затрудняюсь сказать, что с телефоном произошло, но он был непригоден ни для чего: сломан корпус, экран, контакты. Обычно, если телефон информацию не отдает, например, из-за поломки, на этом все заканчивается — данные вносятся в протокол и расследование идет дальше. Вот и в моем случае, телефон «молчал» — с таким же успехом можно было подключить УФЭД к кирпичу. Но разъем был, и я подключил гаджет к зарядному устройству, и что-то дрогнуло.

И я решил объездить все мастерские и салоны сотовой связи. На второй день нашел магазин, где продавалась такая же модель, но помочь мне они не могли. Поехал к друзьям в полицию, там нашли что-то «живое» в телефоне, я вернулся в салон связи, и спросил, могут ли они продать недостающие части. Оказалось, что могут, но за десять тысяч. В итоге, созвонились с хозяином и сошлись на том, что деньги я оставляю в залог — верну запчасти в том же виде, получу обратно. Я отправился обратно в полицию, все собрали. В итоге, через два с половиной дня я подключил собранный телефон к УФЭДу и извлек оттуда около трех видео, в которых погибший сам рассказал, что будет, как будет и объяснил причины. На этом благодаря кредитивному подходу расследование было окончено. Конечно, я мог объездить 30 точек впустую, но получилось именно так. Товарный вид запчастей, кстати, был сохранен и деньги мне вернули.

— А получилось бы раскрыть дело без телефона и извлеченных видео?

— Да, но осталось бы очень много вопросов. Часть дел, где потерпевший погиб, раскрыть очень сложно. Потому что у подозреваемого своя версия событий, и она оказывается единственной. Иногда понимание происходящего приходит только в самом конце следствия.



Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Тульской области

— Неотвратимость наказания существует?

— Мы к этому стремимся. Но неотвратимость наказания подразумевает, что все преступления, включая латентные, те, о которых мы не знаем, будут раскрыты. Хочется верить, что там, где мы не дорабатываем, может, бог доработает. Не все можно раскрыть, это нужно понимать, как нужно понимать и то, что не все, что кажется преступлением — преступление. А о части происшествий мы вообще не можем знать.

Наша цель — избежать нераскрытых преступлений по нашей вине. Где-то кто-то недоработал, недосмотрел, где-то плохо допросил. Но если сделано все, то сплю с чистой совестью.

Текст интервью от 16.07.2019 [на сайте ИА "Тульская пресса"](#).

Адрес страницы: <https://tula.sledcom.ru/folder/879378/item/1373648>